

Ворота киноварного цвета с глазурованными карнизами, на табличке сквозь туман отчетливо видны иероглифы, покрытые золотым лаком.

— Дом Се.

Мужчина спрыгнул с лошади и постоял некоторое время у подножия ступеней, его силуэт подобен черной скале — суровый и безмолвный.

Пока лошадь Уюнь, ступающая по снегу, наконец не вытерпела и фыркнула, толкнув его мордой в плечо, мужчина лишь тогда тяжело вздохнул, шагнул вперед и постучал в дверное кольцо.

Вскоре боковая калитка со скрипом приоткрылась, привратник высунул голову и, почтительно сложив руки в приветствии, спросил:

— Господин, вы...

— Я прошу аудиенции у хозяина этого дома, потрудитесь передать.

Привратник окинул мужчину взглядом с ног до головы и, увидев, что тот выглядит бродягой, но при этом производит впечатление сурового и грозного, ничего не сказал, лишь с улыбкой спросил:

— Осмелюсь спросить, как ваше имя и фамилия? Есть ли у вас визитная карточка?

Мужчина слегка замешкался.

Затем он медленно снял с плеча длинный меч и протянул его привратнику, глухо произнеся:

— Вот моя визитная карточка...

Помедлив, он добавил:

— Моя скромная фамилия — Дань, имя — Чао.

Привратник был полон сомнений, но не показал виду, поклонился, развернулся и ушел. Через некоторое время боковая калитка снова открылась, но на этот раз вышла служанка лет двадцати с небольшим, в легком красном платье.

Дань Чао слегка удивился, служанка же спокойно произнесла:

— Господин, прошу следовать за мной.

Это был второй раз, когда Дань Чао ступал в Дом Се.

Ирония заключалась в том, что этот дом Се, один из самых влиятельных и популярных в Чанъани, куда каждый день стекаются бесчисленные посетители и экипажи, куда чиновникам рангом пониже и заглянуть не удастся, — этот самый Дом Се простолюдин Дань Чао уже во второй раз вошел через главные киноварные ворота.

Время было еще слишком раннее, воздух в саду был холодным и свежим, на тропинках скользко от зеленого мха и белого инея, по обеим сторонам крытой галереи росли стройные бамбуки изумрудного цвета, а под самой галереей в нефритовых горшках пышно цвели большие хризантемы самых разных оттенков. Служанка двигалась необычайно грациозно, но

шла молча впереди, лишь показывая путь. Пройдя через свисающую цветочную завесу и лунные ворота, вдали, среди щебетания птиц, наконец послышалось журчание теплой воды.

Дань Чао огляделся и понял, что это оказалось внутреннее поместье Дома Се.

Служанка вдруг остановилась и, сделав реверанс, произнесла:

— Командующий, господин Дань доставлен.

Дань Чао в изумлении замер.

Прямо перед ним в саду из белого нефрита был выложен источник с горячей водой, от которого сейчас поднимался легкий пар, а Се Юнь сидел там, повернувшись к нему спиной.

— Хм, — беспечно отозвался Се Юнь, его голос звучал лениво и хрипло, — подай чай.

Служанка молча удалилась, а Дань Чао застыл на месте, весь напрягшись.

С его точки зрения было видно лишь, как Се Юнь откинулся на край источника, волосы его были небрежно собраны в пучок и свисали наружу, а над поверхностью воды виднелся лишь тонкий, но крепкий участок плеча. Утренний свет был тусклым, невозможно было разобрать, что более прозрачно — кожа на его плечах или стены бассейна из белого мрамора. Дань Чао поспешно отвел взгляд.

— Зачем пришел? — лениво спросил Се Юнь.

Кадык Дань Чао сдвинулся, и через некоторое время он хрипло произнес:

— Я подумал, раз под небом бескрайняя земля, и я могу идти куда угодно, то, естественно, могу прийти и в дом Се в Чанъани, поэтому...

Но Се Юнь перебил его:

— Ты ведь мог вернуться и в Мобэй.

В голове Дань Чао возникла путаница, его взгляд беспокойно блуждал, и он даже почувствовал легкое онемение у корня языка.

Ощущение было крайне странным.

Он незаметно прикусил кончик языка, и в тот момент, когда во рту распространился вкус крови, боль наконец прояснила его сознание.

— Я проделал путь с юга, с региона к югу от Янцзы, на север. Меня пропускали через заставы и города без проверки документов, по пути мне постоянно кто-то помогал, а на ночлегах даже кормили лошадь. Когда в глухой местности я иногда сбивался с пути, то видел следы копыт императорской гвардии и указатели, красные веревки, привязанные к деревьям, указывающие на казенную дорогу, следуя по которой, я прямо добрался до внешних стен Чанъани...

Дань Чао помедлил, затем твердо произнес:

— Поэтому я подумал, что, должно быть, кто-то хотел, чтобы я приехал в столицу.

Се Юнь наконец улыбнулся, повернул голову и насмешливо взглянул на Дань Чао. Из-за

клубящегося пара его кожа казалась почти прозрачной, а ресницы, усеянные мельчайшими капельками воды, выглядели особенно темными.

— Слишком много о себе возомнил. Если бы ты пошел топиться в Янцзы или вешаться в Мобэе, тебя бы тоже никто не остановил.

Раздался звон нефритовых подвесок, и та самая служанка в красном платье, ведя за собой несколько младших служанок, подошла с чаем, угощениями, золотым подносом, банными полотенцами и прочими вещами.

Угощения были совершенно незнакомыми, каждое из трех лежало на отдельной тарелке, белорозовые, прозрачные, в фарфоровых чашах цвета нефрита, изысканные, словно лепестки цветов, с первого взгляда и не поймешь, что это еда. Чай же был изумрудно-зеленым, приятным, освежающим и сладким. Дань Чао, чувствуя, что пересохло в горле, выпил две-три чашки подряд, прежде чем остановиться. Подняв взгляд, он увидел, что Се Юнь уже вышел из купальни, набросил на себя широкий и мягкий белый халат и бросил полотенце служанке.

— Какие впечатления от пути? — спросил Се Юнь.

Дань Чао перевел взгляд с его фигуры на нежные, свежие зеленые листья на дне чашки.

— О многом думал, но в основном понял только одну вещь.

— Да?

— В тот день в храме Цыэнь...

Старшая служанка рядом взмахнула рукой, отпустив младших служанок.

— Снежный лотос, семейная реликвия из дома старейшины Лю, — не пустые слова, он действительно существовал, но был похищен. А на следующий день отравленный кислый фруктовый суп пили трое: ты, наследный принц и я. Ты и наследный принц отреагировали на яд, а я нет — не потому, что выпил меньше всех.

Дань Чао медленно произнес:

— А потому, что тот самый снежный лотос из дома старейшины Лю был съеден мною.

У горячего источника в беседке стояло ложе, служанка застелила его белой лисьей шкурой. Се Юнь даже не взглянул на Дань Чао.

— Да? И где же ты его съел?

— В ту ночь, глубокой ночью, на проспекте Чжунчжэн, ты дал мне чашку горячего чая. Должно быть, снежный лотос растворился в воде. А что касается той знаменитой куртизанки из Золотого ласточкиного терема — это же все ты...

— Долго не живут те, кто много думает, — перебил его Се Юнь. — Лучше, вместо того чтобы думать о куртизанках, поразмышляй о чем-нибудь полезном.

Это была настоящая наглость, просто нежелание слушать, о чем дальше спросит Дань Чао. Уголок рта Дань Чао дрогнул, и он покорно сказал:

— Да, я не о куртизанке думал, а о тебе, учитель...

— Обо мне что?

На этот раз Се Юнь наконец удивился. Дань Чао прищурился и изящно поднял нефритовую чашку в руке:

— Я думал о том, учитель, что теперь ты живешь в золотых чертогах, на белом коне, наслаждаясь жизнью и ветренными утехами. Но ведь в те годы, когда ты провел несколько лет в суровых землях Мобэя, на душе у тебя, должно быть, тоже было нелегко?

Се Юнь рассмеялся, затем поднял руку и указал в сторону Дань Чао.

Этот жест был многозначительным, в нем словно читалось и нежелание смириться, и бессилие, и оттенок выговора. Дань Чао вдруг почувствовал тонкое удовлетворение от того, что сумел задеть.

Однако прежде чем он успел насладиться этим чувством, внезапно увидел, как Се Юнь снял с пояса шелковый шнур и, взмахнув рукой...

Мягкий шелковый пояс со свистом взвился в воздухе, извиваясь, словно змея, и устремился прямо к нему. Дань Чао не успел даже среагировать, как пояс молниеносно обвил его горло и рванул.

Бух!

Брызги горячей воды разлетелись во все стороны. Дань Чао не успел издать ни звука, как врезался головой в воду.

Буль-буль-буль...

Дань Чао вынырнул, отчаянно барахтаясь, с позором выплюнул воду и яростно уставился на Се Юня.

Се Юнь стоял у края нефритового бассейна, скрестив руки, его взгляд, устремленный сверху вниз, был полон насмешки:

— Не благодари, ученик. Эта вода проведена прямо из императорского источника Хуацинчи, говорят, продлевает жизнь и излечивает сотни болезней. Полежи тут хорошенько.

Дань Чао возмутился:

— Я не болен...

— Но ты грязный, — сказал Се Юнь.

Дань Чао, который, спеша с юга в столицу, мчался как ветер, день и ночь, никогда не останавливаясь в лучших комнатах постоялых дворцов и не мывшийся, вдруг лишился дара речи.

Се Юнь повернулся и ушел.

— Постой! — вдруг крикнул Дань Чао. — Что ты сейчас сказал? Ты назвал меня учеником...

Се Юнь сказал:

— Если ты встанешь на колени и назовешь меня дедом, я, пожалуй, откликнусь на внучек. Хочешь попробовать?

Дань Чао тут же онемел. Се Юнь не оглядываясь, бесшумно удалился.

Служанка уже приготовила в беседке мягкое ложе, зажгла благовония и собственноручно расставила несколько тарелочек с угощениями. Се Юнь удобно улегся на белой лисьей шкуре на животе, и служанка начала разминать и массировать его шею и плечи. Ее движения были необычайно искусными, она шла вдоль меридианов, явно пройдя специальное обучение.

Дань Чао, погруженный в воды горячего источника, молча наблюдал. Вдруг служанка тихо произнесла:

— У командующего меридианы застывшие, узлов много, кажется, они сильно повреждены. В последнее время вам лучше по возможности не заниматься боевыми искусствами.

Се Юнь промычал что-то и через мгновение сказал:

— Сильнее.

Служанка усилила нажим. Примерно за время, пока выпивается полчашки чая, снова послышался неясный голос Се Юня:

— Еще сильнее.

Утренний бриз пронесся через павильоны, террасы и башни, в беседке взметнулись легкие занавески, разнесся теплый аромат.

Служанка заметила, что дыхание Се Юня постепенно становится ровным и спокойным, убрала руки, встала и бесшумно удалилась.

<http://bllate.org/book/15578/1387200>